

30 августа пала Мга, и последняя железная дорога, связывающая город со страной, была перерезана.

А немец к этому времени вплотную подошел к городу. Уже слышен был гул артиллерийской канонады. В газетах пытались объяснить это испытанием новых орудий.

В какой-то момент враг прорвался к Средней Рогатке, но его удалось отбросить за Пулковскую высоту. А в Стрельне и Автово уже хозяйничали немцы.

БЛОКАДА

8 сентября 1941 года Ленинград оказался в блокаде. Участились воздушные налеты. Начались артобстрелы. Однажды, вернувшись домой, увидел, что весь двор засыпан битым стеклом. На пятом этаже в стене зияла пробоина от разорвавшегося снаряда. Хорошо, что никто не пострадал. Один осколок влетел и на нашу кухню. Разбитые окна сразу заколотили фанерой, но вскоре нашли и вставили стекла.

В тот же день, во время сильнейшего налета фашистской авиации, в южной части города поднялся высокий столб черного дыма. Вбежав на верхние этажи дома, мы увидели за Измайловским проспектом бушующий пожар. Горели Бадаевские склады, расположенные вдоль Московского проспекта. Там хранились основные запасы продовольствия для города, в том числе сахар. Через пару месяцев уничтожение Бадаевских складов тяжело скажется на жителях Ленинграда.

10 сентября поздно вечером, когда мы уже спали, Мария Соколова разбудила нас стуком в дверь. Мы выбежали во двор. Там было светло, как днем. Горели новостройки окружавших нас заводов. Полыхал дворец культуры имени Кирова. За проходной «Электроаппарата» был небольшой склад с какими-то трубами из пресованного картона. Там тоже был пожар. С отцом и другими мужчинами разбросали и погасили трубы. Несколько зажигательных бомб были сброшены с чердака нашего дома. Не было слышно отбоя тревог. Снова и снова раздавались гудки заводов, извещавших о новых налетах. Так длилось до самого утра. В эту ночь в саду Госнардома сгорели знаменитые Американские горы, а в зоологическом саду погибла слониха Бетти.

Сестра отца тетя Паня работала в «Лентрамвае» ремонтником. Мы с Павлом Соколовым решили устроиться к ней в контору. Взяли нас с удовольствием. Мужчин, кроме двух стариков, там не было. Все ушли на фронт. Наше подразделение, 7-я дистанция пути, располагалось в полуподвальном помещении на углу Садовой и Большой Подъяческой улиц.

Работа была несложная, но тяжелая. Приходилось менять рельсы, гнуть их по шаблону, сверлить, забивать костыли, подбивать под

шпалы щебенку. Чтобы не прерывать днем движение, менять рельсы приходилось чаще всего в ночную смену.

Начальство направило нас с Павлом в только что созданную бригаду для восстановления разрушенных трамвайных путей. Подразделение находилось на казарменном положении. База размещалась в полуподвальном помещении на Колокольной улице, напротив Стремянной, рядом с Владимирским собором. Поначалу выезды были редки. Но вскоре интенсивность налетов увеличилась.

Как-то днем прозвучал сигнал тревоги, застучали зенитки, и сразу началась бомбежка. Бомбы ложились где-то совсем рядом. Пол дрожал от взрывов. Нам с Павлом захотелось посмотреть, что делается на улице. Мы приоткрыли дверь. Снаружи раздался мощный взрыв. Дверь тут же захлопнуло взрывной волной, а наши глаза засыпало известкой. Мы решили спуститься в подвал. Там молодая женщина, она работала у нас шофером, впала в истерику. Ей казалось, что бомба уже падает на наш дом, и всем нам пришел конец. Ее пытались успокоить, но она продолжала рыдать и причитать. Слушать это было невыносимо. Мы поднялись наверх. Вышли на Стремянную улицу. Все было в дыму и пыли. Одна из бомб попала в соседний жилой дом. Он горел. Дружинницы выносили и выводили оттуда пострадавших. Другая фугасная бомба попала в трамвайный путь. Искореженную взрывом рельсу забросило на крышу соседнего дома.

Нас срочно вызвали на базу. Надо было приступить к работе. На этот раз ехать никуда не пришлось. Трамвайные пути были разрушены здесь же, на проспекте Нахимсона, сейчас Владимирский проспект, прямо напротив Владимирского собора. Три бомбы попали точно в рельсы. Огромные воронки тянулись вдоль проспекта. Большой участок пути оказался разрушен. Прихватив инструмент, мы приступили к работе. Грузовые машины начали подвозить гравий для засыпки воронок. Следом доставили шпалы и рельсы. Работа закипела. На продолжавшиеся один за другим воздушные налеты мы не обращали внимания. В шесть часов утра, к открытию движения, все было восстановлено. Уставшие, но с чувством выполненного долга мы отправились отдыхать.

Наступили холода. Сократились нормы выдачи продуктов по карточкам. Стало ясно, в «Лентрамвае» долго не протянем. Мы с Павлом решили увольняться. Нас не хотели отпускать, работать было некому. Пришлось принести документы, что идем учиться, и, действительно, мы поступили в топографический техникум. Он находился на улице Рубинштейна, около Пяти углов. Это было одно из немногих учебных заведений, где еще продолжались занятия.

В это же время мы с Павлом побывали на спектакле в театре оперетты, единственном театре, работавшем в городе.

Поначалу мы довольно старательно занимались в техникуме. Но с каждым днем становилось все труднее. Ударили морозы. Паек

уменьшился. Начались перебои с транспортом. Часто в техникум приходилось ходить пешком, а путь с Васильевского острова до Пяти углов немалый, почти семь километров. Учебу пришлось бросить.

Мать продолжала трудиться на хлебозаводе. Там пекли хлеб, сушили для армии сухари. К зиме и отец устроился на хлебозавод кочегаром.

В октябре Соколовы эвакуировались к себе на родину, в Калининскую область.

8 ноября немцы взяли Тихвин и создали второе кольцо окружения. Подвоз продуктов в город почти совсем прекратился. Кое-что доставляли воздушным путем. По карточкам ничего не выдавали. Мы начали доходить. С едой стало совсем плохо, зато с теплом был полный порядок. У нас в комнате была печь. Дров хватало. Кругом разбирали на дрова деревянные дома. Родители наедались хлебом на работе, и дома старались не кушать. Но продуктов все равно не хватало. Из муки, получаемой по карточкам, мать делала лапшу и в большом двухведерном котле варила суп. Когда половину супа съедали, ставили самовар и кипятком доливали котел. Получалась мутная похлебка, казавшаяся нам неописуемо вкусной. Как-то нес я с кухни самовар, но сил не хватило, и уронил его. Хорошо, не ошпарился. Я разревелся от обиды, что настолько ослаб. Родители решили, что надо попытаться и меня устроить на хлебозавод.

К декабрю дед совсем отошел. Он перестал подниматься и вскоре умер. Отец сумел достать гроб. Деда положили на санки и повезли отпевать на Петроградскую сторону на проспект Добролюбова в Князь-Владимирский собор. Волокли санки втроем. Мать и отец впереди, я подталкивал сзади. После отпевания отвезли дедушку на блокадное кладбище. Оно располагалось напротив старого Смоленского кладбища, на противоположном берегу реки. Похоронили. Поставили крест. После войны я пытался найти могилу, но не смог.

Водопровод в городе уже не работал. Сначала за водой ходили на Неву. Напротив Горного института были прорублены проруби. Потом посреди 23-й линии, напротив детской больницы, прорвало трубу. Образовалась ледяная воронка. Там и стали брать воду. Проливаемая вода замерзала. Получалась ледяная гора. Люди забирались на нее, набирали воды, спускаясь, часто падали. Но все же водой город был обеспечен.

По льду Ладожского озера проложили дорогу, названную в народе «Дорогой жизни». По ней в город стали поступать продукты, но их не хватало. Все больше увеличивалась смертность населения. Умирали целыми семьями. Уже не всех могли похоронить. Трупы вытаскивали на улицу и бросали. Из траншей на Большом проспекте торчали сваленные туда покойники. Много мертвых лежало в квартирах, их некому было вынести. Трупы собирали специальные команды и увозили на машинах в места захоронений. А наутро на улицах появлялись новые тела.

Хлеба, если это можно было называть хлебом, давали по 250 граммов рабочим и 125 иждивенцам. Когда резали пайку на две части, половина хлеба оставалась на ноже. Это была какая-то черная масса, половину состоящая из целлюлозы, но и ее соскребали и съедали. С каким вниманием смотрели люди на весы, когда взвешивали хлеб. С каким трепетом брали его в руки. Но надо было еще донести хлеб до дома. Бывали случаи, когда пайку вырывали прямо из рук. На моих глазах, когда женщина оплачивала полученный хлеб, парнишка выхватил у женщины из рук пайку и, упав на пол, стал жадно ее есть. Парня били ногами, но он все равно доел хлеб.

В настоящее время я с удивлением узнал, что иногда люди думают, будто в блокаду хлеб по карточкам выдавали бесплатно. На самом деле это не так. Хлеб и другие продукты, получаемые по карточкам, всегда оплачивались. Карточки только давали право на покупку.

Началось людоедство. У трупов, валявшихся на Большом проспекте, часто отсутствовали руки и ноги. Их отрубали на студень. Пропали дети. В нашем доме, у Самсоновых из 12-й квартиры, семилетняя девочка ушла на улицу и не вернулась.

Зима в тот год была суровой. Выходя из дома, люди натягивали на себя весь свой гардероб. По городу, еле передвигая ноги, двигались обтянутые кожей скелеты. Головы были закутаны во что попало. На лицах виднелись только глаза. Бывали случаи, когда идущий рядом человек начинал шататься и падал на снег. Иногда его поднимали, но часто, не имея сил помочь, проходили мимо. Случалось, что пытавшийся помочь падал тут же, рядом, и замерзали оба.

Канализация не работала. Нечистоты выливались во дворы и на улицу. Остановился транспорт. Троллейбусы, занесенные снегом, застыли вдоль улиц там, где их застало отключение тока. На работу ходили пешком. Многих переводили на казарменное положение, и люди оставались жить на предприятиях.

В начале декабря по радио передали сообщение «В последний час». В нем говорилось о разгроме немецких войск под Тихвином. В результате было восстановлено прерванное на некоторое время движение по «Дороге жизни». Услышав это сообщение, мама даже заплакала от радости. В январе увеличили норму выдачи хлеба. Рабочие стали получать по 400 граммов.

Из-за отсутствия электричества на хлебозаводе остановились тестомесильные машины. Пришлось готовить тесто вручную. Заводские рабочие не справлялись. Появилась необходимость набрать временных. Мать сразу записала меня. Так я оказался в цехе. Пока подавалось электричество, я и другие временные работали на подхвате. Выколачивали хлеб из форм, возили вагонетки с поддонами в экспедицию. Но как только отключалась электроэнергия, мы сразу становились к чанам и начинали руками ворочать тесто. Чтобы достать до дна бака, мне

приходилось ставить под ноги скамейку. Работа была тяжелая. Гудели руки и спина. Но зато можно было есть хлеб сколько захочешь.

Как-то раз, когда было электричество, я заметил, что происходит нечто странное. Один чан замесили и угнали в дальний угол. Потом тесто быстро разложили по формам и поставили на под. Испеченный хлеб утащили куда-то в сторону, а через некоторое время каждому работнику цеха сунули полбуханки свежего белого хлеба, велел спрятать, чтобы никто посторонний не увидел. Конечно, это делалось с ведома дирекции, а может быть, и выше. Какой же это был вкусный хлеб.

Прошло недели две. Восстановилось электроснабжение, и мы, временные, стали не нужны. Снова сел на голодную пайку. Стало совсем тошненько. Попросил родителей устроить меня снова на завод. Отец договорился с бригадиром грузчиков Рейтером, молодым, симпатичным парнем. Инженер по специальности, он руководил грузчиками. Ему были даны большие права. Рано утром я пришел к проходной. Появился высокий молодой человек. Спросил: «Колбасов?». Я ответил «Да». Мы прошли через проходную. Спустились в кочегарку. Здесь находилась главная база грузчиков. У топок котлов было тепло. На окне, за фанерной заслонкой, куски хлеба. Их приносил дежурный кочегар. Он часто ходил в цех проверять температурный режим печей и каждый раз возвращался, прихватывая кусок бракованной буханки. Пусть из брака, пусть суррогатный, но это все равно был хлеб.

Официально нас на работе не оформляли и рабочих карточек не выдавали. Мы работали за хлеб. С ведома руководства грузчики получали в день полбуханки на человека и то, что приносили кочегары.

Однажды в кочегарку зашел мужчина. Приехал он на машине за хлебом. Когда-то он работал на заводе, но потом уволился. Кочегар спросил, хочет ли тот есть. Конечно, он не отказался. Получив буханку, товарищ забрался за котел и сразу съел. Кочегар спросил, наелся ли он, и протянул еще полбуханки. Мужчина все съел и, поблагодарив, ушел. Через некоторое время в кочегарку зашел экспедитор, отпускавший хлеб на вывоз. Когда ему рассказали эту историю, он удивился. Оказывается, экспедитор тоже дал этому товарищу буханку хлеба, и тот ее тоже съел.

Основной задачей нашей бригады была разгрузка муки с автомашин. Когда привозили мешки с мукой, грузчики выходили к машинам и переносили мешки на склад. Состав бригады был пестрым. Здесь работали и инженеры, и художники, и милиционер, и молодые ребята без специальности. Первый раз меня поставили в кузов, и я наваливал нагужал мешки на грузчиков. В руках силенка у меня была, и работа шла хорошо. На следующей машине нагужал мешки другой парень, а я с остальными грузчиками должен был относить. А в мешке четыре пуда. Я на плечах потащил мешок. По ровной дороге все было нормально. Но при входе на склад надо было переступить через порог. А ноги с голодухи ослабли. Я уцепился одной рукой за мешок, другой взялся за

косяк и, кое-как перебравшись через порог, дотащил груз до стеллажа. Когда же я понес второй мешок, то у порога получился конфуз. Я не смог переступить порог, осел и меня придавило. Наш старший помог мне подняться и отправил в кочегарку.

На следующий день Рейтер перевел меня на другую работу. На заводе стоял титан для кипячения воды. Его топили мелкими дровами. Пилили дрова жена и дочь Рейтера. Жена до войны была прокурором района, а дочь училась в институте. Рейтер перевел дочку делать витаминную воду из хвои, а меня поставил на ее место. Работали мы двуручной пилой, не надрываясь. Вскоре установили электропилу. Меня и еще одного мужчину Рейтер поставил на эту новую пилу, а свою жену перевел на другую работу. Работать стало сложнее, опаснее, но интереснее.

Дело шло к весне. Я отъелся, поправился, но началась цинга. Не хватало витаминов. Стали качаться зубы, на ногах появились язвы. Пришлось пить много хвойной воды, пока десны не стали заживать.

При выходе с завода в проходной охрана тщательно обыскивала рабочих. Особенно свирепствовал охранник Козлов. Как-то раз, ощупывая мои ноги, он нажал на болячки так, что я закричал. Козлов заставил меня разуться, и только убедившись, что ничего нет, пропустил.

Весь город был залит нечистотами. Пока стояли морозы, это было не опасно. Когда же снег стал таять, возникла вероятность эпидемий. Надо отдать должное властям города, все население было поднято на уборку грязного снега. Ледяные горы, покрытые нечистотами, скалывались, вывозились и сбрасывались в реки и каналы. В результате никаких эпидемий не возникло.

Однажды мы возвращались с уборки снега и увидели живую собаку. Она бежала посреди улицы, непрерывно оглядываясь по сторонам. Чувствовалось, что это была очень опытная собака. Ни кошек, ни собак в городе к этому времени уже не осталось.

Утром 24 апреля 1942 года над городом разнесся сигнал воздушной тревоги. Начался сильнейший налет немецкой авиации на Ленинград. Была Страстная суббота накануне Пасхи, а получилась страшная суббота. Мы возили на тачках каменный уголь в кочегарку, когда раздались тревожные прерывистые гудки заводов и застучали зенитки. Через некоторое время послышались взрывы бомб. Дальше было что-то ужасное. Земля качалась. Кругом все грохотало. Мы такого еще не видели и не слышали. Позднее узнали, что в этот день фашисты пытались уничтожить военные корабли, стоявшие на Неве. Основной удар был направлен на флагманский корабль — крейсер «Киров». Он был пришвартован неподалеку от нас, у набережной напротив церкви на 15-й линии. Крейсер отбивался всеми орудиями. Огонь вели даже орудия главного калибра. Было сбито несколько вражеских самолетов. Но один бомбардировщик все же прорвался, спикировал почти до палубы, сбросил бомбу и тут же упал сбитый в Неву. Бомба попала в трубу

и разорвалась внутри корабля. К крейсеру подогнали машины. На них увезли большое количество убитых и раненых моряков. Ночью крейсер «Киров» отбуксировали к Адмиралтейству и замаскировали, а на старое место поставили транспортное судно «Сибирь». На другой день налет повторился. В «Сибирь» попала бомба, и судно легло на бок у самого берега, а крейсера «Киров» и стоявший у Летнего сада «Максим Горький» вместе с другими кораблями Балтийского флота продолжали громить врага. Сейчас на Морской набережной Васильевского острова сооружен памятник в честь крейсера «Киров». Там установлены башни главного калибра знаменитого корабля.

Приближалось время призыва в армию. Нас, допризывников, взяли на всеобщ. Каждый день утром мы шли на Большой проспект в клуб Балтийского завода, после переименованный в Дом культуры имени С.Орджоникидзе. В клубе проходили занятия по строевой подготовке. Мы изучали винтовку, стояли в карауле, строем ходили обедать на 22-ю линию в столовую Горного института. Через месяц сдали экзамен на стрелка. Нас стали оставлять на вторую очередь обучения, подготовку автоматчиков. Меня вызвал начальник курсов и спросил, правда ли, что я работал на хлебозаводе. Когда я подтвердил это, он поинтересовался, прокормлюсь ли я, если меня отпустят со сборов. Я сказал: «Да». Так я снова оказался на хлебозаводе. На этот раз меня определили грузчиком на автомашину. Это была не работа, а мечта. На полторатонной машине мы с шофером разъезжали по городским базам. Получали растительное масло, солидол, другие материалы. Тяжело было грузить соль. Потом долго щипало тело. Муку на завод привозили другие машины, а пустые мешки на мельницу имени Ленина отвозили мы. Это было любимое дело. На мельнице приходилось долго ждать очередь на разгрузку. Можно было полежать на мешках, греясь на весеннем солнышке. К машине сбегались местные мальчишки. Забравшись в кузов, они собирали комочки муки, присохшей к мешкам, и складывали их в висащие на шее мешочки. А мы приглядывали, чтобы они не слишком свирепствовали и не очень тормозили мешки.

Директор завода решила съездить в Токсово. Там на озерах бригада заводских рабочих ловила рыбу. Среди них был и мой отец. Рыбы было немного. Хватало только бригаде да начальству. Директор решила проверить, как идет работа. Надеюсь, что с директором обыскивать не будут, я прихватил для отца буханку хлеба и засунул ее в противогазную сумку. Действительно хлеб удалось провезти, но по дороге в Токсово что-то случилось с машиной. Когда ее отремонтировали и подъехали к поселку, наступила ночь, и с нею комендантский час. Нас задержал патруль. Доставили в местную комендатуру, где и продержали до утра. Все это время я опасался, чтобы не обнаружилась злополучная буханка, но обошлось. С отцом увиделись, а в скором времени бригаду ликвидировали.